

Г. Л. БОГРАД

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О СМЕРДЯКОВЕ

(К вопросу об отношении Достоевского к расколу)

Для понимания образа Смердякова очень важно сравнение его Достоевским с героем картины И. Н. Крамского «Созерцатель», где «изображен лес зимой, и в лесу, на дороге, в оборванном кафтанишке и лаптишках стоит один-одинешенек, в глубочайшем уединении забредший мужичонко, стоит и как бы задумался, но он не думает, а что-то „созерцает“. Если <...> спросили бы его, о чем он это стоял и думал, то наверно бы ничего не припомнил, но зато наверно бы затаил в себе то впечатление, под которым находился во время своего созерцания. <...> может, вдруг, накопив впечатлений на многие годы, бросит всё и уйдет в Иерусалим, скитаться и спасаться, а может, и село родное вдруг спалит, а может быть, случится и то, и другое вместе, Созерцателей в народе довольно. Вот одним из таких созерцателей был наверно и Смердяков...» (14, 116—117). Достоевский отмечает, что какой-то стороной своего существа Смердяков соприкасается с народной стихией, а в ней заключается не только созидательная, но и разрушительная сила, та способность дойти до конца в своем отрицании, о которой писатель говорит в главе «Влас» в «Дневнике писателя» за 1873 г.: «...разрушить себя самого во веки веков для одной лишь минуты торжества отрицанием и гордостью, — ничего не мог выдумать русский Мефистофель дерзостнее! Возможность такого напряжения страсти, возможность таких мрачных и сложных ощущений в душе простолюдина поражает!» (21, 38).

Картина «Созерцатель» демонстрировалась на VI выставке передвижников в Петербурге весной 1878 г., т. е. незадолго до начала работы Достоевского над романом о Карамазовых. И впечатления от картины, вызвавшей повышенный интерес зрителей, где изображен рефлектирующий тип из простого народа, у читателей были еще свежи. Картина эта давала понять, что и простой человек «чувствовать умеет». Этот этюд с натуры долго не имел названия. П. М. Третьяков, владелец галереи, для которой он собирал работы русских художников, именовал его по-разному: этюд «Путник», или «Прохожий», или «Странник», но предпочитал называть изображен-

ного созерцателем.¹ Однако у современников подобный тип ассоциировался и со странником.

Стоит вспомнить, что в XIX в. понятие «странник» относилось прежде всего к сектантам-раскольникам — странникам, или бегунам. Эти мистические секты (бегунов, хлыстов, скопцов) были под запретом. О них писали исследователи, в основном с этнографической точки зрения. Открыто героями литературных произведений они становились довольно редко.

Понятие «раскол» объединяло старообрядцев и сектантов различного толка. Странники, или бегуны, относились к так называемым беспоповцам — одному из главных направлений, на которые разделилось в XVIII в. старообрядчество, возникшее в свою очередь в результате раскола русской православной церкви в конце XVII в. Основатель секты бегунов Ефимий учил, что, «начиная с Петра I, все царствующие воплощают чувственного антихриста; все власти мира — проявление его; бороться с его силой нужно таясь и бегая, не имея родины и крова».²

Можно предположить, что на картине Крамского изображен старообрядец, раскольник, сектант, по своим взглядам противостоящий официальной церкви.

Интерес Достоевского к религиозному и культурному расколу в русском обществе и его последствиям, как известно, был чрезвычайно велик. Странников, или бегунов, как и представителей других мистических сект (хлыстов и скопцов), Достоевский в своих произведениях вниманием не обошел. Достаточно вспомнить сектантов — хозяев Ордынова в ранней повести «Хозяйка», раскольника-бегуна Миколку из «Преступления и наказания», многозначную фамилию главного героя — Раскольников, странника Макара Долгорукого из «Подростка», тему скопцов в «Идиоте», упоминания о хлыстовщине в различных произведениях писателя.

Достоевский заинтересовался расколом и сектами еще в юные годы. В Инженерном училище бытовали легенды о секте «людей божиих» (близких к хлыстам), которые собирались на свои радения в Михайловском (Инженерном) замке до открытия в нем училища.³ В первой биографии Достоевского говорится, что молодой «Ф. М. действительно думал о сближении с раскольниками».⁴

¹ См.: Переписка И. Н. Крамского (1869—1887). М., 1953. С. 182. Сообщено Р. Г. Гальпериной, за что приношу ей глубокую благодарность.

² Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Малый энциклопедический словарь. М., 1997. Т. 4. С. 1603.

³ Савельев А. И. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 102.

⁴ Миллер О. Ф. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 1. С. 87.

Старообрядцы и раскольники-сектанты составляли чуть ли ни треть населения России.

Первыми серьезными исследователями мистических сект хлыстов и скопцов (насколько это было возможно при их закрытости) были В. И. Даль, Н. И. Надеждин, Е. В. Пеликан — профессор кафедры судебной медицины. В тех же 1840—1850-х гг. в Германии вышел труд о скопцах барона Августа фон Гакстгаузена, в России — этнографа П. И. Мельникова (А. Печерского). В конце 1850-х—начале 1860-х гг. появляются работы А. Щапова, В. Калатузова, В. Кельсиева и мн. др. В 1860-х гг. в газетах и толстых журналах печатаются множество статей о мистических сектах, в том числе в журнале братьев Достоевских «Время» (1862. № 10) вышло исследование Афанасия Щапова «Земство и раскол. Бегуны». Позже, в журнале «Эпоха» (1865. № 1), который редактировал Ф. М. Достоевский, появился «Очерк быта и верований скопцов. Из рассказов странницы» В. Калатузова.

В статье «Два лагеря теоретиков», напечатанной в журнале «Время» (1862. № 2), Достоевский говорит, что «ни славянофилы, ни западники не могут как должно оценить такого крупного явления в нашей исторической жизни (как раскол. — Г. Б.). Они не поняли в этом странном отрицании страстного стремления к истине, глубокого недовольства действительностью» (20, 20—21).

По свидетельству А. Г. Достоевской, в личной библиотеке писателя в 1860-е гг. «много было серьезных произведений по отделам истории и старообрядчества».⁵ Писатель считал, что в поисках истинной веры человек может пройти через целый ряд соблазнов. И хлыстовщина — один из них. Об этом Достоевский писал в письме к А. Н. Майкову 11 (23) декабря 1868 г., сообщая о замысле романа «Атеизм» (28₂, 329).

По мысли Достоевского, созерцатель на одноименной картине копит впечатления, способные спровоцировать его действия. Копит впечатления для своих дальнейших действий, которые могут вылиться во что-то непредвиденное, и похожий на него самоуглубленностью Смердяков.

Достоевский считал, что ранние впечатления детства являются для человека основополагающими. Безрадостными были они у Смердякова. Как известно, его, новорожденного, нашел в бане возле умирающей матери слуга Федора Павловича Карамазова Григорий, только что потерявший своего младенца-сына. В его семье Смердяков и вырос. Сам впоследствии стал поваром, слугой, хотя думал о других возможностях.

⁵ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 207. См. также: Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 104—148.

Рассказчик в романе говорит, что Григорий после похорон своего ребенка «стал по преимуществу заниматься „божественным“ <...>. В самое последнее время стал прислушиваться и вникать в хлыстовщину, на что по соседству оказался случай, видимо был потрясен, но переходить в новую веру не заблагорассудил. <...> Может быть, он склонен был к мистицизму» (14, 89).

Кто же такие хлысты, чья вера так поразила Григория? Члены секты называли себя «христами», или «божьими людьми». Хлыстами же их называли представители официального православия. Время создания этой мистической секты — конец XVII—начало XVIII в. Хлыстовство, как пишет А. А. Панченко, «генетически связано с мистико-аскетическими и эсхатологическими движениями русского раскола». ⁶ В секте были общины, которые назывались кораблями. Во главе каждого стояли «живой» Христос или «живая» Богородица — наиболее сильные и фанатичные члены общины, умеющие влиять на своих подопечных, аллегорически трактующие Священное Писание.

Собрания (радения) общин проходили обычно по ночам в отдаленных изолированных домах, сараях или банях на краю поселений. Начинались они так называемой Иисусовой молитвой, духовными песнопениями, сопровождающимися неистовым кружением радеющих, одетых во все белое. Себя они называли «белыми голубями», которым уготовано вечное блаженство, ибо в Откровении св. Иоанна Богослова о достойных спасения сказано: «Побеждающий облечется в белые одежды» (Откр. 3: 5). Кормишки пророчествовали ритмической речью, радеющие приходили в экстаз, покрывались потом (это называлось «духовной баней»), галлюцинировали, а возбужденные тела, как уверяли посторонние, предавались свальному греху. Семейная жизнь сектой отвергалась, ее члены должны были порвать всякие родственные связи.

В своем исследовании о хлыстах А. Эткинд писал: «Согласно большинству оценок, хлыстовство во второй половине 19 века было третьей верой русского населения России, уступая по своему распространению только церковному православию и старообрядчеству».⁷

Однако в конце XVIII в. возникла еще более радикальная секта, созданная на основе хлыстовства, — секта скопцов, где отвергались вообще всякие греховные отношения. Чтобы не предаваться им, сектанты прибегали к добровольному оскропению. Оскропившихся можно было встретить и среди хлыстов. Идея оскропления родилась

⁶ Панченко А. А. Фольклор и религиозная культура русских мистических сект (XVIII—начало XX в.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. С. 2.

⁷ Эткинд А. Хлыст: (Секты, литература и революция). М., 1998. С. 37.

от своеобразного толкования Евангелия от Матфея, где сказано: «...есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Мф. 19: 12). Скопцы считали, «что рожденные на свет не по своей воле и обреченные на смерть, они рождаются еще раз, уже по собственному желанию. Это второе рождение — и предвкушение смерти, чья власть над жизнью отныне неважна», — пишет автор фундаментального труда о секте скопцов Л. Энгельштейн.⁸

Операции (оскопления), как правило, происходили в подвалах или деревянных банях ночью. Процедура называлась «огненным крещением» или «вторым рождением», совершаемым по желанию неопита.

Все же остальные ритуалы скопцов и хлыстов совпадали. «Божьи люди» не употребляли мясной пищи, не курили, не пили спиртное, не сквернословили, были честны и трудолюбивы. Но полностью, как говорили, от страстей избавиться не могли. Главной страстью скопцов считалось стяжательство. Среди них было много успешных специалистов своего дела, предпринимателей и ростовщиков. Однако им приписывали и изуверские склонности, истинное наличие которых не доказано до сего времени, кроме, естественно, добровольного членовредительства.

Поскольку обе секты были запрещены, за «самообожение» и «членовредительство» принадлежащих к ним (особенно к скопцам) власти лишали состояния и навечно ссылали в Сибирь. В целях конспирации сектанты часто придерживались внешне официального православия и посещали богослужения в церквях.

Григорий, воспитатель Смердякова, мог сблизиться с хлыстами, только приобретя их полное доверие, что было непросто. Он, как упоминалось, стал «вникать в хлыстовщину, на что по соседству оказался случай» (14, 89). О соседях Карамазовых в романе почти ничего не сообщается, разве что о Марье Кондратьевне, которая приехала из Москвы, живет с больной матерью; несмотря на бедность, носит платье со шлейфом, но ходит на карамазовскую кухню к жене Григория за супом. В конце романа становится известным, что она со своей больной матерью переселилась на окраину города в покосившийся бревенчатый домик, состоящий из двух частей, разделенных сенями, которые делали изолированной каждую из этих частей. В подобных домах проходили радения сектантов. Здесь Марья Кондратьевна будет ухаживать за больным Смердяковым, поселив его в лучшей половине дома («белой избе»). В романе говорится, что Смердяков жил у них даром: «И мать, и дочь его очень уважали и смотрели на него как на высшего пред ними человека» (15, 50).

Увлечение Григория хлыстовщиной могло повлиять в свое время на юного Смердякова. Он знал, что его мать — юродивая Ли-

⁸ Энгельштейн Л. Скопцы и Царство небесное. М., 2002. С. 22.

завета, имевшая рост чуть больше двух вершков, ходившая с колтуном на голове и родившая его без официального отца. В то же время Федор Павлович не отрекался от своего отцовства, но видел в Смердякове лишь только слугу.

Униженный своим происхождением, Смердяков мог бы повторить слова страдальца Иова, обращенные к Богу: «И зачем ты вывел меня из чрева? пусть бы я умер, когда еще ничей глаз не видел меня» (Иов. 10 : 18). Иов ропщет, но не отказывается от Бога: «Вот, Он убивает меня; но я буду надеяться; я желал бы только отстоять пути мои пред лицом Его!» (Иов. 13 : 15).

«Григорий Васильевич попрекает, — говорит Смердяков, — что я против рождества бунтую <...> я бы дозволил убить себя еще во чреве с тем, чтобы лишь на свет не происходить вовсе-с» (14, 204). Он не обращается к Богу с надеждой, как Иов. Накопивший с детства отрицательные впечатления и эмоции, соединившиеся с его недоброй натурой, Смердяков обратился в секту к «земным богам» и стал скопцом, пережив «второе рождение» и, таким образом, приняв «печать» (оскопление), которая, по мнению скопцов, должна напоминать о тех «ста сорока четырех тысячах запечатленных», о которых говорится в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 7 : 4).

Напомним, что Григорий, найдя Смердякова вскоре после смерти своего сына, назвал этот факт «печатью».

О том, что Смердяков скопец и сектант, говорят многие детали, встречающиеся в романе. Прежде всего, прямое указание на его внешность, на тонкий голос (фистулу), его нелюбовь к женщинам, вкуче с этим — чистоплотность (одно из объяснений необходимости оскопления — это стремление к чистоте), предпочтение рыбных блюд мясному, добросовестное отношение к своему делу, видимая честность, работоспособность. Даже болезнь его (эпилепсия) могла рассматриваться сектантами как священная.

Многое объясняет песня Смердякова. Посылая ее текст в «Русский вестник», Достоевский просил редактора по возможности заменить в ней эпитет «славная» (употребленный из цензурных соображений) перед словом «корона» на «царская», ссылаясь на подлинность песни приказчиков и лакеев, никем из специалистов не записанной и услышанной им в Москве впервые сорок лет назад (30₁, 64). Редакция учла пожелание автора, и в тексте песенки появилась строка «Царская корона».

В статье «Достоевский и фольклор» Н. К. Пиксанов справедливо замечает об этой песне: «Что касается самого текста песенки, то можно думать, что перед нами устная переработка книжной традиции, притом — с прорчей текста. Двустипшие

Царская корона —
Была бы моя милая здорова

бессвязно. Это отголосок какого-то бессвязного текста. В старинных печатных песенниках находим ту же песенку в стройном тексте...».⁹ В. Е. Ветловская указывала, что эта песня может иметь литературный источник — стихотворение поэта С. Н. Марина.¹⁰ Но во всех этих случаях в роли «милой» выступала женщина. У Марина, например, упоминается ее имя — Лида и ее «кроткий нежный взгляд». «Не исключена возможность заимствования Достоевским песенки Смердякова из другой переработки печатного текста», — пишет Пиксанов.¹¹ Он же замечает: «Куплеты песенки так тесно слиты со всем диалогом, так характерны для Смердякова, так необычны, что их легче всего принять за стилизацию самого романиста».¹²

Итак, по мнению Пиксанова, эту видимую бессвязность в песне создает сам Достоевский. Но для чего? Вероятно, чтобы скрыть образ истинной героини песни. В романном варианте героиня не женщина, а царская корона (действительно, эпитет «славная» лишал бы песню смысла). Именно о благополучии короны заботится исполнитель. Во-первых, после слова «корона» в тексте стоит тире, говорящее, что пожелание здоровья относится именно к ней. Кроме того, в тексте романа имеется прямое уточнение: «В прошлый раз еще лучше выходило, — заметил женский голос (Марьи Кондратьевны. — Г. Б.), — вы спели про *корону* (курсив мой. — Г. Б.): „Была бы моя милочка здорова“. Этак нежнее выходило, вы, верно, сегодня позабыли» (14, 204).

Вероятно, стоит напомнить о создателе скопческой секты, выходец из секты хлыстов, крестьянине Орловской губернии Кондратии Селиванове. Именовал он себя Иисусом Христом и чудом спасшимся царем Петром III. Он проповедовал оскотление как единственное средство защиты от греха, основал свой «царский корабль», где уже назывался «Сыном Божиим». С 1775 г. Селиванов, сосланный в Нерчинск, жил в Иркутске, откуда через 20 лет бежал в Москву. По сказаниям скопцов, называя себя Петром III, Селиванов явился к императору Павлу I с предложением ему оскотиться. По велению Павла его отправили в Обуховскую больницу — дом умалишенных в Петербурге. После убийства Павла I его взял на поруки скопец-камергер Еленский. Позже Селиванова отвезли в Суздальский Ефимиев монастырь, где он имел учеников и свободно жил до самой смерти, наступившей в 1832 г. В сочинении «Страды» он описал свои страдания и ссылку.

⁹ Пиксанов Н. К. Достоевский и фольклор // Советская этнография. 1934. № 1—2. С. 160—161.

¹⁰ Ветловская В. Е. «Братья Карамазовы»: Дополнения к комментарию // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 190.

¹¹ Пиксанов Н. К. Достоевский и фольклор. С. 161.

¹² Там же. С. 160.

В романе Достоевский изменяет известную ему реальную ситуацию, и скопец по имени Павел заботится об атрибуте царской власти — «моей милой» короне. Ведь в приведенной выше справке о Селиванове имеется упоминание о царе Павле I, имя которого носит Смердяков, и о «царском корабле», кормчим которого был Селиванов. Может быть, Смердяков имел в виду свой «царский корабль» или хотел его иметь?

Судя по некоторым признакам, в иерархии сектантской общины он, эпилептик, мог занимать не последнее место. Во время болезни его навещали какие-то «добрые люди» в доме Марьи Кондратьевны, отчество которой напоминает о Кондратии Селиванове, он пользовался особым уважением хозяев. И с Иваном Смердяков, «зная себе цену», разговаривает без всякого уважения. А перед смертью во время их последнего свидания дает ему понять, что принадлежит к мистической секте. Иван увидел, что на ноге Смердякова, обутой в туфлю вместо блестящих сапог, о виде которых Смердяков особенно заботился,— длинный чулок белого цвета — часть ритуальной одежды скопцов, где он прятал украденные деньги. Вот как описывается в романе реакция Ивана на увиденное: «Иван Федорович глядел на него и вдруг затрясся в конвульсивном испуге. „Сумасшедший!“ — завопил он и, быстро вскочив с места, откатнулся назад, так что стукнулся спиной об стену и как будто прилип к стене, весь вытянувшись в нитку. Он в безумном ужасе смотрел на Смердякова. <...> „Ты меня испугал... с этим чулком...“ — проговорил он, как-то странно ухмыляясь» (15, 60).

Достоевский в романе ни в коей мере не оправдывает Смердякова, но, исходя из его природы и накопленных им впечатлений, объясняет его мысли и поступки.

В своей речи защитник Мити Фетюкович дает оценку личности Смердякова:

«Здоровьем он был слаб, это правда, но характером, но сердцем — о нет, это вовсе не столь слабый был человек <...> Особенно не нашел я в нем робости. Простодушия же в нем не было вовсе, напротив, я нашел страшную недоверчивость, прячущуюся под наивностью, и ум, способный весьма многое созерцать» (15, 164).

Ненавидя Митю ненавистью Каина, Смердяков совершает преступление, точно рассчитав, что обвинение падет на сводного брата. Но в последний момент воспользоваться украденными деньгами не пожелает из-за разочарования в состоятельности теории Ивана о вседозволенности и из-за его нерешительности, которая так не вязалась с теорией.

Он покончит с собой в душевной комнате с натопленной изразцовой печью, напоминающей баню, где он родился в первый и, возможно, «во второй» раз. Здесь он, так любивший чистоту, носил «засаленный» халат и пользовался «засморканным» платком, от-

казавшись от прежней, щегольской одежды и мечты об открытии кафе-ресторана в Москве или за границей.

Он мог бы спасти Митю, оставив признание в предсмертной записке, но не сделал этого. Ведь признание — это голос совести.

Защитник Фетюкович объясняет: «...совесть — это уже раскаяние, но раскаяния могло и не быть у самоубийцы, а было лишь отчаяние».

Защитник понял, как видим, характер Смердякова. Однако он не учел принадлежности последнего к мистической секте. А в этом случае мотивы поведения Смердякова можно объяснить унижением, злобой, отчаянием и внутренним протестом, переходящими в своеобразный бунт против несправедливости, против самой жизни, ее продолжения и даже ее источника — он убивает отца.

Это саморазрушение — еще одно свидетельство разложения семьи Карамазовых и общества в целом.